

заговор, в котором комар и муха, кусая, не «пускают кровь», а наоборот, останавливают ее, ср. «Вадзіца-травіца па мору хадзіла, пясочык сеяла, пясочык не ўзайшоў – крыві не пусьціў. Камар укусіў – крыві не пусьціў, муха ўкусіла – крыві не пусьціла».

Можно выделить также механизм переосмысления реальных свойств насекомого, которые, как правило, уже символически закреплены в культурно-языковой энтомологической сфере. Например, в случае тяжелых родов поляки рекомендуют женщине проглотить живую пчелу (ср.: когда у коровы нет телят, ей дают съесть пчелу в хлебе). Прояснить этот рецепт возможно общей культурной брачной и репродуктивной символикой пчел. Пчелиный укус может выступать в качестве символа коитуса ~ дефлорации ~ беременности. У белорусов беременность предвещается женщине сном о пчелином укусе: «Молодой баби, коли жало упусть – забеременея». Аналогично у поляков сон об укусе пчелы предвещает дефлорацию. Символику брачных отношений передает польская пословица «Kieś się psocły goja, to się dziewcysu chłopaków boja» <Когда пчелы роятся, девки парней боятся>. Ср. также использование поляками при женских болезнях (болезни матки) порошка из сушеной *пчелиной матки* – пример реализации принципа *similis simili curātur*, свойственного народной медицине вообще, но редкого в инсектальной рецептуре.

Отметим, что при тяжелых родах применяются и другие насекомые, характеризующиеся многочисленностью и в связи с этим наделенные символикой плодovitости, например вши и саранча.

Л. Е. Кругликова
Санкт-Петербург

К этимологии оборота *старая карга*

Считается, что фразеологизм *старая карга*, употребляемый как бранное наименование старой женщины (обычно злой, сварливой), основан на сравнении женщины с вороной (от тюрк. *karga* ‘ворона’, восходящего к *kara* ‘черный’), отрицательно оцениваемой в народной речи [см., например: Мокиенко, 231–236].

Мы придерживаемся иной точки зрения.

Изначально, в XVIII в., интересующее нас слово в значении ‘старая женщина’ фиксировалось только в форме *корга*. В той же орфографии мы находим его у писателей XIX в., а также в белорусском языке в XIX в.: «*Корга*. Старая баба, хрычовка, слово бран. ведьма» [Носович, 246].

Фиксация интересующего нас существительного в форме *кóрга*, *корга́* даже в акающих говорах – воронежских, брянских, рязанских [СлРЯ 1913, 4/7, 2048] – доказывает исконность *о*.

Об исконном, а не тюркском происхождении говорит и наличие существительного *корг* ‘выступ на носу и на корме судна, служащий для привязывания якорей’, которое является самым старым среди слов русского языка с интересующим нас

корнем: в [СлРЯ XI–XVII, 7, 306] оно датируется 1419 г. Поясним значение существительного *корг*, так как из его толкования в словарях не совсем понятно, почему указанную лексему надо помещать в рассматриваемое гнездо. Дело в том, что для основы корпуса корабля – на носу и корме – раньше использовали ствол дерева с отходящим в сторону корнем. Естественный изгиб ствола в месте перехода его в корень обладает большой прочностью, что и позволяет применять его для крепления якорей и водорезов. О праславянском характере производной основы **kъrg-* свидетельствуют хотя бы следующие слова: укр. *korzima* ‘вырубленное с корнем дерево, употребляющееся для постройки’ [Гринченко, II, 283], укр. диал. *kôrgati* «(ногами) косить», с.-х. диал. *крга* ‘стебель, ствол винограда’, *крга* ‘колода, около которой сливают воду на мельнице’, словен. *krgati* ‘выделяться, выпирать, переливаться через край’ (т. е. выходить за пределы ровного пространства, создавая неровность, кривизну. – Л. К.) [ЭССЯ, 13, 214].

Оборот *старая карга* употребляется лишь для наименования человека преклонного возраста. Поскольку характерной чертой образа старика является сторбленность, становится возможным сравнение пожилого человека с кривым деревом. Подобного рода переносы типичны для русского языка.

В. М. Мокиенко говорит о том, что «в пользу тюркского происхождения большинства значений [каких? – Л. К.] слова *карга*, к тому же, говорит – и весьма весомо – география. Показательно, что дальше белорусской зоны границы этого слова не заходят, что в целом совпадает с районом распространения тюркского языкового влияния» [Мокиенко, 236]. Этот довод можно опровергнуть несовпадением ареалов распространения лексемы *карга* (*корга*) в значении ‘ворона’ и ‘старая женщина’. По данным Картотеки ЛАРНГ (ответ на вопрос № 254), значение ‘ворона’ у этой лексемы встречается на территории бывшей Золотой Орды (XIII–XV вв.) и прилегающих к ней районов, причем особенно часто на территории бывшего Хазарского царства (до 966 г.).

Существительное же *карга* (*корга*) в значении ‘старая женщина’, по данным [СлРЯ 1913, 4/7] (более точная информация станет возможной после поступления соответствующих материалов в картотеку ЛАРНГ), фиксируется прежде всего на северных, не испытавших тюркского влияния, территориях Европейской части России: в олонецких, новгородских, вологодских говорах, в русских говорах на территории нынешних республик Карелии и Коми, а также в московских, владимирских, смоленских, рязанских, брянских, воронежских говорах. И именно на севере, а также на Урале и в Сибири (Енисей, Забайкалье) наблюдается обилие семантических вариантов, содержащих непосредственно или опосредованно сему ‘изогнутый’. Один из них и послужил источником метафорического переноса *карга* (*корга*) ‘кривое дерево’ → ‘старая женщина’.